

И ПОЁТСЯ ПЕСНЯ НА ЗЕМЛЕ...

(Поэзия Сергея Орлова в современном прочтении)

Роберту Балакишину

Замечательный русский поэт Сергей Орлов беззаветно любил родной озёрно-лесной Белозерский район Вологодчины. Здесь были его родовые корни, сюда он частенько приезжал навестить близких и друзей. Родная земля подарила поэту вдохновение для многих прекрасных строк. Есть такое признание поэта:

**Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!**

Никакая излишняя восторженность, распрекрасные слова о патриотизме и любви к Родине не заменят порой такую задушевную интонацию. Поэту веришь, как самому себе. Тем более что за этой поэтической декларацией скрывается большой «корпус» стихов, так или иначе отражающих любовь к Русскому Северу.

Читатель, например, обратит внимание на исторический цикл стихов Сергея Орлова. Нередко через историю поэт пытался понять судьбу русского народа, своих предков. Это от имени своих князей скажет воин знаменитого Белозерского полка, стоявшего в засаде на Поле Куликовом, а затем решившего исход всей битвы:

...Так Россия с нас и начнётся
И вовек не кончится боле.

Поэт отчётливо понимает: древнее и вечное есть в судьбе каждого человека. Он через исторические легенды и предания показывает, что все мы звенья огромной цепи между прошлым и будущим. Это знание принадлежит человеку, который и сам был участником великого и трагического действия века двадцатого - Великой Отечественной войны. Это говорит о многом...

Быть может, поэтому снова и снова хочется вчитываться в стихи поэта Сергея Орлова.

* * *

Но сначала напомним очевидное. Родился Сергей Орлов в 1921 году, умер в 1977. «Мы не от старости умрём, от старых ран умрём», — сказал его товарищ по поэтическому поколению Семён Гудзенко, словно предвидя судьбу и свою, и Сергея Орлова, и других собратьев по перу тоже. Сердце поэта-фронтовика, как хорошо известно, такая же «рана», как и увечье от пули или контузия.

Его вхождение в литературу можно считать ранним, первые успехи отмечены ещё до войны. Как подлинный поэт Орлов сложился уже на войне. Его книга «Третья скорость» (1946), отзвук самых ярких и неповторимых впечатлений о той трагической поре, уверенно вводит его в круг советских поэтов. В итоге оказалось около тридцати книг стихов и публицистики - достойный итог жизни подлинного фронтовика.

Далее едва ли оспоримо, что не побывав Сергей Орлов на войне, он стал бы другим поэтом. Это отчасти верно. Но если оглянуться теперь на его творческий путь, то понимаешь, что это не совсем так. Дело тут в том, что и военная лирика Орлова имела свои забываемые особенности. Отдав дань стихам о боях и подвигах русского солдата, Сергей Орлов, впрочем, сумел и о военных буднях сказать *свое* слово. Его в стихах всегда отличала фактологическая точность окружающей жизни. И тут он не изменял себе.

Только танкист смог бы найти такую точную деталь: «В танке холодно и тесно. *Сыплет в щели снег-пурга...*». Или только бывалый фронтовик знает, что в землянке «...знакомо все наперечет: солдат усталых перебранка, *песок за шиворот течёт*».

Но за фронтовым бытом, суровым и неимоверно тяжёлым, любимый образ того времени Сергея Орлова — «песня»!

Иногда в интонации хореической, почти частушечной, как в стихотворении с названием «Песенка»:

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да березку белую!..

В другой раз возникают мотивы «жестокого» романса, пусть только и через цитату, как в популярном стихотворении «Ирландская застольная»: «Но тут же кто-то встал из нас и начал напевать: «Миледи смерть, мы просим вас за дверью подождать!..»

А вот слышен ритмический парафраз народной песни: «Хороша та сказка-песня, но взгрустнул водитель наш: «К милой я ходил на Невский, на шестой, друзья, этаж... И пока гремят снаряды, горизонт за Мгой в дыму, в Ленинград к моей отраде *нету ходу никому...*»

Нельзя исключить, что легко бы, наверное, вписались в тексты поэтов-песенников, скажем, Михаила Исаковского или Алексея Фатьянова, такие строфы, хотя Сергей Орлов сумел по-своему отразить чувства солдата-танкиста:

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонёк.

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий навек моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, разметав чубы...

А если вернуться к одному из лучших стихотворений о той, Великой Отечественной, войне «Его зарыли в шар земной...», то мы между строк вслушиваемся в великую мелодику реквиема, широкую и эпическую, вечную и космическую.

Как ни странно, об этом стихотворении всегда говорили как-то стеснённо, словно боясь нарушить некую тайну. Само стихотворение всегда было на слуху, но, быть может, сейчас стоит обратиться к нему вновь. Правда, очевидное и простое всегда сложнее для аналитического разбора.

Наверное, многих смущала некоторая тривиальность интонации зачина, очевидная отстранённость автора от описываемого действия. Тут даже гиперболический посыл (могила — «шар земной») обычно не останавливает внимание:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

На первый взгляд, тут нет никакой торжественности момента. Ямбический четырёхстопник никак, как кажется, не возвышает силы чувства. Слишком это «обиходный» размер в русской поэтике. И слово «друзья» словно бы окунает нас в каждодневное бытие. «Друзья»-то солдату, вы-

ходит, мы все, каждый читатель. Инверсия «солдат простой», хотя и имеющая силу поэтизации, только подчёркивает эту возможность: он «простой», но и мы — «простые»...

И тут вдруг прорыв в другой мир, космический! Тут шаг — к Вечности: «миллион веков», «млечные пути»...

Ему как мавзолей Земля —
На миллион веков.
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

Но тут опять «возвращение» на грешную Землю, уже в природу. «Солдат» теперь — частица этой Природы! Строфа раскрывает метафоры земной жизни, заметим, в очень встревоженном состоянии: *метелицы метут, грама гремят, ветра разбег берут*... Стёртая метафора, не очень заметная в своём происхождении, в общем-то, всегда признак хорошей песни.

На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грама тяжёлые гремят,
Ветра разбег берут.

Это подготавливает читателя к восприятию последней строфы, по сути, главной в стихотворении. Мы снова видим момент «здесь и сейчас». Наша память «кольцует» с первой строфой стихотворения, но уже как завершённую его главного посыла: «Его зарыли в шар земной»...

Мы понимаем, автор к смерти на войне привычен. Для него «солдат простой» — один из многих, которой при нём «положен в шар земной». Он внешне спокоен, духовно твёрд. Ему очевидно, что смерть не была случайной, хотя давным-давно окончен бой. Личная «отстраненность» поэта от события в том и состоит, что для него этот павший солдат и первый, и десятый, и сотый... При этом, сила переживания остаётся такой же мудрой, как и в первый раз.

Сергей Орлов тему «жизни и смерти», а точнее — солдатского подвига, раздвигает во времени и пространстве до бесконечности; память его (и наша) о войне и потерях на ней светла и неизбывна, она на века!..

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен нарень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

Потом, со временем, оказалось, это посвящение всем русским солдатам, от рядового до маршала. Не только войны Великой Отечественной, но и всех других... Такова обобщающая сила поэтического слова.

Быть может, поэтому «Его зарыли в шар земной...» и оказалось «главным» стихотворением Сергея Орлова. Так бывает в поэзии. Написано поэтом много прекрасного и качественного, а запоминается главное и иногда — единственное стихотворение, тут же ставшее общенародным. Или просто народным, уже без «имени» автора...

Впрочем, так иногда случается и с песнями...

* * *

Песенная основа, так или иначе, присутствует во многих стихах Сергея Орлова. Конечно, не только фронтовых, но и мирных.

Вслушаемся хотя бы в зачины его стихотворений: «Луна плывёт над белыми домами...», «Вечер небо за окнами вывездил...», «Зима несёт в серебряной пыли...». Разве не слышна тут мелодика русской песни? А таких примеров в творчестве Сергея Орлова десятки. Словом, тут нет необходимости доказывать очевидное, что выразил кратко и метафорично сам поэт-воложанин:

**Песня — что-то вроде костра,
Золотому огню сестра...**

По сути, это удивительно. Скажем, фронтовые стихи и «песенки» создавались в самой гуще военных будней, в перерывах между боями. А за грохотом боя, разрывами снарядов, рёвом дизельного двигателя танка «Т-34», поэт слышит... песню.

На наш взгляд, в самой песне или её «образе» поэт вольно-невольно искал свой «оберег», свой талисман. Песня поддерживала его веру не только в Победу, но и в реальную возможность будущей жизни, пока ещё далёкой, но уже такой прекрасной.

Важно отметить, что постепенно образ «песни» уходил из военной поэзии Сергея Орлова. Он ещё будет со своим народом слышать победные марши после Дня Победы. Его душа ещё перекликается с тем, что тишину «над бывшим полем боя тревожит только песня под гармонию».

Но потом, в своих элегиях-воспоминаниях о войне, он будет слышать чаще всего «простую» тишину, его строки наполняет теперь философское размышление о том времени, о минутах памяти и скорби.

**Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.**

«Тишина» — тоже часть мелодии, необходимая пауза, чтобы начать новую тему. За отдалённостью времени, эти «паузы» становились всё длинней и продолжительней. Но в этом была осознанная необходимость:

нельзя было всё время оглядываться назад, где остались фронтовые дороги и обелиски с красными звёздами вдоль них.

Послевоенная жизнь рождала новые песни.

Но и сейчас, уже в наши дни, зримо ощущаем мы тот объём «войны» и «мира», который есть, как теперь принято говорить обо всём творческом наследии любого поэта, в «лирическом романе» Сергея Орлова. И понимаешь это именно через образ «песни», который постоянно присутствует в военной лирике поэта. В этом была замечательная особенность поэзии Сергея Орлова, этим он выделялся из рядов своего поколения.

Да, образ «песни» постепенно уходил из военной лирики поэта, но всё чаще он появляется в его «мирных» стихах. Недаром, даже в названии сборника «Городок» (1953) слышится что-то песенное, по-вологодски напевное.

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам...

Тут надо сказать несколько важных слов о послевоенном периоде в поэзии Сергея Орлова. Он как человек, и как поэт — был, если можно так сказать, «явлением» своего времени и *той* эпохи, с одной стороны — прекрасно-победной, с другой — трагически-противоречивой...

Он, конечно же, знал, например, что такое «великие стройки социализма»: ещё до войны мимо его родного Белозерска проходили баржи с заключёнными на строительство Беломорканала. Да и после войны он, всего скорее, встречал бывших фронтовиков, ставших обычными «зэка», на том же канале «Волга-Дон», где бывал в «творческих командировках». Без сомнения, Сергей Орлов знал «свинцовые мерзости жизни».

И вместе с тем, поэзия Сергея Орлова лишена той, «*другой*», стороны советской действительности. Она, если можно так сказать, однополярная. Но в сути своей — истинно-народная!

Наверное, нельзя эволюцию поэта рассматривать по меркам нового времени, его мировоззренческих идеологем, нашего *исторического* знания о том времени. Но мы вольно-невольно эти знания применяем, ищем ответы на *свои* вопросы. А всё, похоже, намного проще.

Слишком молодым человеком Сергей Орлов окунулся в тот трагически-безысходный спектр земного бытия, название которому — война. Там он увидел всяческие пределы земного существования, мог понять настоящую ценность человеческой жизни.

И когда он вернулся в родные края, совершенно по-новому всмотрелся в тот привычный быт районного городка (как, предположим, Белозерска), чтобы сказать себе и своим читателям: счастье на родной земле есть! И оно в этих близких людях, в северной природе, в тех трудовых свершениях, которые по силам его землякам.

Я давно, признаться, не бывал
В городке зелёном, деревянном,
Там, где я десятый класс кончал
И на будущее строил планы...

Дальше идёт, в общем-то, стихотворный «репортаж». Или, если объяснить по-иному, «рассказ в стихах». Этот жанр станет в то время чуть ли не главным для Сергея Орлова.

А это шло от новой влюблённости в родные места, когда, как виделось, это поэту, каждая мелочь важна и достойна, чтобы её отразить в стихах. Поэтому тут много описательности, преобладают образы «зрительные», чем «чувственные». Надо перечитать стихотворение «У себя дома», чтобы это понять заново.

Всё стихотворение проникнуто не ностальгическим воспоминанием, а узнаванием другого быта, послевоенной повседневности. Таких стихов в то время у Орлова было много. Это показатель: ему нужен весь объём мирной жизни, все его радости и горести.

Опять-таки, из другого времени есть понимание того, что многие образы поэта потеряли актуальность и живописность, остались в прошлом. Это, конечно, в какой-то степени затрудняет их восприятие читателями новых поколений.

Но разве в стихах Орлова остаётся только «музейная» или этнографическая правда той эпохи? Интересно, что поэт уже тогда задумывался над такими вопросами. Вот он уже в привычном жанре «стихотворного репортажа» рассказывает о своём выступлении в колхозе. Стихотворение называется «Вечер стихов в колхозе».

Как теперь многим молодым горожанам объяснишь, почему на вечер поэзии собираются лишь ребяташки да сельская интеллигенция: «учительница, фельдшер, инженер»? Да, просто: сенокосное время, деревня и так по «три часа спит»...

Или почему радуется поэт в «сельпо» (сельский магазинчик), где «между сапог и вил, в строю брошюр, жёлтых, залежалых, Твардовский всё же обнаружен был...»? Всё-таки, читают селяне, знают своего народного поэта, а многие ли молодые знают стихи А.Твардовского сейчас?

Как видим, придёт время, когда некоторые стихи Орлова придётся читать с пояснительным словарём. Например, сколько только профессий живого, ещё не механизированного труда встречается в стихах Орлова: плотогоны, сплавщики, бакенщики, паромщики, телефонистки, телятницы, кружевницы... А ведь это были довольно массовые профессии, сейчас практически заменённые машинами.

Кстати, если обратить внимание на эти «профессиональные» стихи, то невольно поражаешься не только глубинному знанию поэтом народной жизни, но и передаче через профессиональные навыки каждого характера ролевых персонажей этих стихотворений.

Как обстоятелен и мудр фотограф из районного ателье, каждый день участвующий в создании летописи своего райцентра. Как привычно суровы плотогоны и сплавщики, сражающиеся с водной стихией, по сути — с силами природы. Как серьёзен сельский врач-хирург, от решений и поступков которого зависит подчас жизнь его односельчан. Как возвышенно-творчески видят кружевницы-артельщицы красоту северной природы... Мы, идя вслед за автором, невольно поддаёмся сильнейшему обаянию этих прекрасных людей из народа.

Но вернёмся к стихотворению «Вечер стихов в колхозе». Тут на встречу с поэтом приходят три вдовы, потерявшие мужей на войне. И он, забыв о своих сомнениях в правомерности встречи с читателями в столь неурочный час сенокоса, находит те слова, что должен сказать своим землякам:

**И я прочёл для этих трёх солдаток,
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих...**

Да, это оказалось, как говорится, по ситуации, самым главным и существенным. И хотя эта строфа — идейный центр стихотворения, поэт чувствует и понимает многообразие сельской жизни, там, за окнами клуба. И она ему важнее и интереснее, чем просто воспоминания о прошлом: не стихи в данном случае важнее, а сама жизнь!..

Если же вернуться к теме образа «песни» в творчестве Орлова, то невольно обращаешь внимание на другое стихотворение — «Шура Капарулина».

Эх, поймёт ли нынешний житель мегаполиса или крупного промышленного центра всю прелесть этого стихотворения! Ему, наверное, и не понять почему это предрик — второе «лицо» в районе (первое — секретарь райкома тогда ещё ВКП(б), тут упрочим и наше знание эпохи) откладывает все срочные дела, чтобы послушать песню из репродуктора.

**Молодой, грудной, шемающий, властный
Голос разом всех зачаровал,
Будто близко пролетело счастье, —
Кто из нас о нём не тосковал?**

Сюжет стихотворения интересен тем, что вся сцена передаётся взглядом «лектора из областного центра», к тому же — ленинградцем (тоже теперь надо объяснять, кто это такой). А через него автор вводит тему двух «миров» того времени: «большого города» и «районных будней», тогда уже различных по миропониманию самой глубины народной жизни.

Лектор не скрывает своего недоумения: «Кто ж такая это, в самом деле?». Но вслушаемся в ответ предрика, у которого в эту минуту «свет из-под бровей»:

**Мастерина кружевной артели,
Гордость наша, местный соловей...**

Вон она, простите за банальный оксюморон, *скромная гордость* человека, который насквозь знает свой район, почти каждого жителя в нём. В душе этого, в общем-то, бюрократа той эпохи, обозначена его главная черта души: он накрепко связан со своим народом, «трудовым людом».

И примечательно, что главным-то «героем» стихотворения опять-таки становится песня! Она объединяет всех жителей районного городка в одно целое.

**В парке, где поют на клёнах птицы,
Из окошка радиоузла
Песня льется. Где же ей вписаться
В микрофон-скворечник у стола?**

**И шофёр-парнишка с грузом срочным
Выключил мотор возле ворот,
Он от песни уезжать не хочет...
Шура Капарулина поёт!**

Это стихотворение надо прочитать полностью, чтобы до конца почувствовать все его нюансы. Тем более, через него можно понять и важные грани таланта поэта Сергея Орлова, для которого так дорог местный колорит родной Вологодчины.

И во многих других стихотворениях Сергей Орлов остаётся верен сам себе. Он именно воспевает труд своих земляков. Его стихи пронизаны радостью, светом от общения с простыми людьми из народа.

Впрочем, грани таланта у любого поэта не могут быть выявлены по нескольким стихотворениям. Поэтому надо поразмышлять и над другими особенностями творчества Орлова. В частности, привлекает его «любовная» лирика.

* * *

Тема любви к девушке, к женщине возникает в стихах Сергея Орлова ещё на фронте. Правда, нет в ней пока личного пристрастия. Скорее, это наблюдение за отношениями других.

**...Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора;**

**Дом знакомый, тропинка к нему.
В палисаде рябина да клен,
И девчонка как песня в дому —
Та, в которую парень влюблен...**

Как видим, тут чаще любовь-сон, любовь-воспоминание. Только в стихах мирного времени, любовь в стихах поэта становится одной из доминирующих тем. Мы можем не знать, кто такая «Л.П.», но стихи, посвящённые ей, выливаются у поэта в целый цикл, очень несенный и лирический в своей основе.

...Просто вспомнили вдруг про годы.
Так вот песня и родилась.

Высоко, высоко и гонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой, за Шексной, одна.

Вот и в ностальгической элегии «Стихи о первой любви» Сергей Орлов предпринимает довольно сложный психологический эксперимент. По «жизни» известно, что «грамматика» первой любви довольно проста: лучезарность и нежность первых отношений почти всегда таит грустную трагедийность этих отношений; они редко имеют продолжение в дальнейшей жизни влюблённых.

Я встретил женщину одну
И вспомнил о девчонке русской...

А женщина-то и есть именно «первая любовь» автора. А они и не делись десять лет, а шесть вообще друг о друге не имели известий. И вот возникает контрастность впечатлений, как бы между юностью и зрелостью. Там была «девочка русая», проказница и озорница. Теперь перед автором зрелая женщина, в которой лишь угадываются черты той, самой первой. И видно, как «лирический герой» испытывает душевное раздвоение, надо сделать выбор, определиться, что его сердцу сегодня нужнее...

Она — и не она, собой,
Как светом, день преображая.
Красивая передо мной
Стояла женщина чужая.

На наших глазах происходит чудо любви: неожиданно побеждает любовь зрелая, новая. Автор только констатирует, что забыты проказы и песенки девчонки русской, а на их место приходит шемаящая грусть, в «которой солнце, тишь, гроза»... Мы и тут можем не знать, чем закончились эти новые отношения, но их очевидная поэтичность поразит всякое любящее сердце.

В «любовой» лирике Орлова много и других отношений между мужчиной и женщиной уже, почти всегда, лишённых романтики первой

любви. В одном случае, это любовь неразделённая, как в стихотворении о женщине «двадцати восьми лет», отвергающей привязанность мужчин. В другом возникает тема «ухода», расставания...

...Уходит женщина. Ни злоба,
Ни просьбы непонятны ей,
И задержать её не пробуй,
Остановить её не смей.
Молить напрасно, звать напрасно.
Бежать за ней — напрасный труд...
Уходит — и её, как праздник.
Уже, наверно, где-то ждут.

Тут, в целом, «пушкинский» мотив: «как дай вам бог любимой быть другим». Лирический герой Орлова ведёт себя по отношению к женщине по-рыцарски, со зрелым пониманием глубины жизни. Это надо обязательно отметить: перед нами настоящий мужчина, вершитель своей судьбы, тонкий и деликатный, упорный романтик, глубокий знаток повседневной жизни.

...Нас уже отделяют десятилетия от той эпохи, в которой жил и творил Сергей Орлов. За эти годы вышло несколько книг, посвященных его жизни и поэзии. Они важны для постижения творчества поэта. Но как представляется, художественный мир Сергея Орлова и до нашего времени неисчерпаем, есть в нём свои «лакуны». Очевидно главное: поэзия Сергея Орлова остаётся востребованной в наши дни. Не только как отзвук ушедших времён, но и как прекрасная песня о самой жизни, которая будет вечно.

2011